

Новая газ. - 2002 - 4-6 февр. - с. 20-21.

О премьере Театра им. Моссовета писали много и строго: Роксана (Ольга Кабо) не волнует, де Гиш (Сергей Виноградов) не трогает, Кристиан (Дмитрий Щербина) не вызывает сочувствия. А Александр Домогаров в роли Сирано? Домогаров — урод? Смешно. Переполненный зал? Поклонницы. Всхлипывания в партере? Сантименты публики. ...Как славно, что я — sentimentalный зритель

— Александр Юрьевич, чем так привлекает актеров Сирано?

— Это материал, в котором для артиста заключено целое море возможностей. «Сирано», как его ни поверни, все равно будет сверкать, столько в нем граней. Главное — найти свою. Кроме того, слова, в которых можно летать, парить. Ну и, наконец, это великая любовь и великий герой.

— Что касается граней. Эту пьесу ставили столько раз...

— Для меня здесь все упиралось в то, что я нажил к тридцати восьми годам. Мне, Домогарову, тридцать восемь, и я знаю, что такое дружба, как я ее понимаю. Что такое любовь — опять-таки, как я ее знаю. Что такое женщины — как я сумел понять их к своему возрасту. И мне казалось, что сейчас я уже могу что-то обо всем этом сказать.

— А в двадцать пять могли бы?

— Я и в двадцать пять думал о Сирано. А теперь понял, что могу не только думать, но и говорить. Мне кажется правильным и уместным сыграть эту чистую романтическую историю именно так, как она была написана.

— Какой он, ваш Сирано?

— Пока спектакль еще не встал на ноги, этот вопрос закономерен. Я, например, не

рые диктует ему общество. Но он идет на компромисс с самим собой. Это наихудший вариант из всех возможных, и в этом тоже проявляется его двойственность.

— Откуда же в вашем Сирано столько мальчишеского, даже дворового шика?

— Он же не просто пришел покрасоваться, он привел с собой всю улицу: «А, он играет, этот толстый? Ну сейчас мы ему покажем, как надо иг-

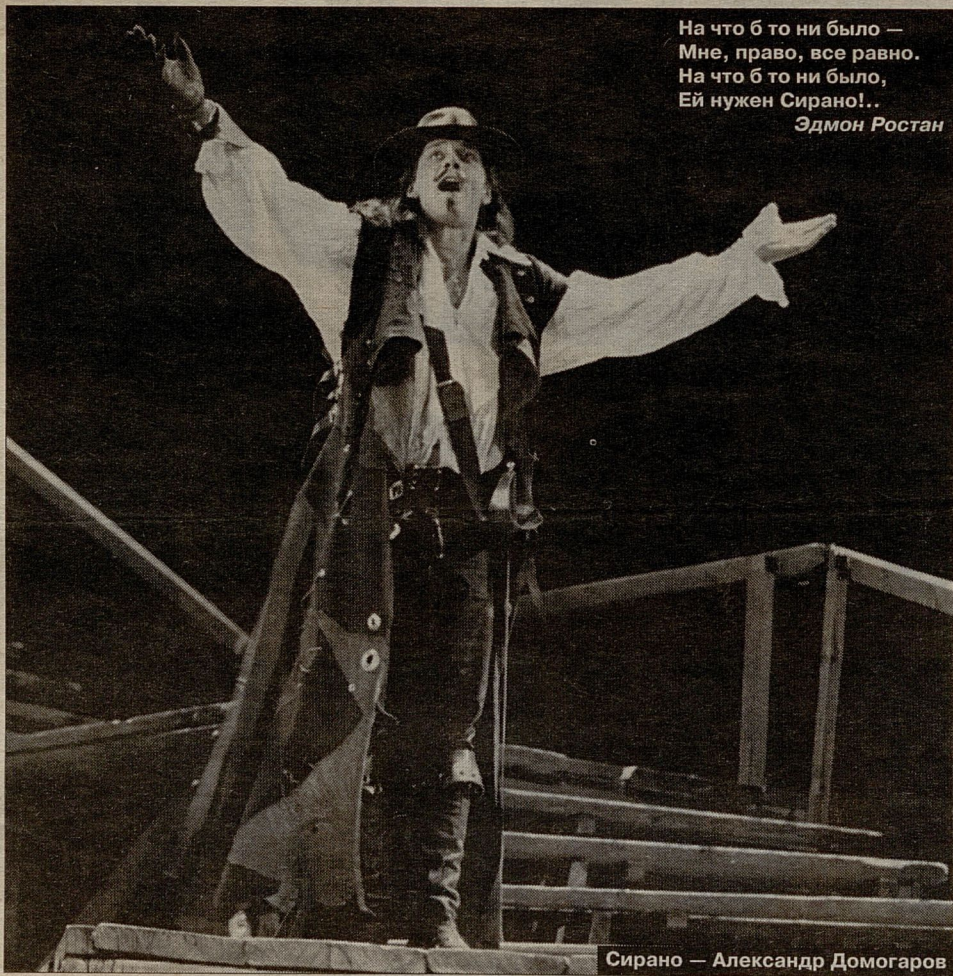
рять, мизансцена рушится. А возможность маневра дает элемент полета, настоящего творчества, когда многое можно. Ты понимаешь, что партнер тебя не сдаст. Как Сережа Виноградов. Иногда я смотрю ему в глаза и думаю: ну что ты еще выкинешь, гад? (Смеется.)

— И что же выкидывает?

— По-разному может. Интонационно что-нибудь помечает... Зал не слышит — но я-

ДВОРОВОЙ ШИК И РЫЦАРСКИЙ

Актер Александр Домогаров — о «своем» Сирано де Бержераке



На что б то ни было —
Мне, право, все равно.
На что б то ни было,
Ей нужен Сирано!..

Эдмон Ростан

думаю, что Сирано действительно любит Роксану. Он вряд ли отдает себе отчет в том, что именно ЭТА женщина и есть любовь всей его жизни. Он любит нечто им придуманное. И как только касается ее руками, как только начинает понимать, что это живая плоть, на него нападает дикий страх. Он не знает, что ему делать со всем этим — и с собой прежде всего. Сирано — шут, это маска, которую он практически не снимает. Причем шут злой, этакий джокер, который может быть каким угодно в зависимости от настроения, окружения, ситуации. Мне очень хотелось уже в первой сцене показать, что иногда Сирано становится попросту неприятным.

— Как вы думаете, такие люди могут существовать на самом деле?

— Если и могут, то живется им невероятно сложно. Компромиссы заставляют нас жить не так, как должно, но каждый сам выбирает ту степень компромисса, на которую готов пойти. Сирано не соглашается на условия, кото-

рат!». И все это с блеском, с бравадой. Мне вообще хотелось выйти чуть ли не с барабаном. А незадолго до премьеры я попросил вместо трости найти мне палку. Шел человек, подобрал по дороге сукоую дубину.. Мальчишество? Может быть. Мне самому тридцать восемь, пора бы уже оступиться. А я...

— А как вам Роксана?

— У меня очень теплые отношения с Ольгой — не только профессиональные, но и человеческие. Ей сейчас ой как непросто. Прийти из театра, где она прима, в театр со своими традициями и принципами, очень сложно. В Театре Советской Армии она привыкла к другим ритмам. Она борется с собой, и это вызывает у меня уважение. Я вижу, как она старается уйти от самой себя и говорю: ну давай, ломай себя! Я думаю, у нее все будет отлично. Вообще, хороший партнер — великая вещь. Тяжело играть с человеком, который, как шахматный конь, ходит только буквой «Г». Не дай бог тебе пойти в другую сторону — все, он тебя поте-

то слышу! Может с костюмчиком придумать что-нибудь... странное. До выхода он ничего не говорит, скажет только: «Работаем», и все. А чего работаем, как работаем — это я узнаю уже на сцене.

— «Сирано» — ваш первый опыт работы с пьесой в стихах?

— Такой серьезный — да. Мне очень часто говорили, что стихи читать я не умею, и я занимался тем, что делал Олег Борисов, когда готовил «Маскарад». Он просто сканировал стихи: брал общую тетрадь, на одной странице писал стихотворную строчку, на другой — то же самое, но в прозе. Выделял главное слово в прозе, потом ставил ударение в дерматовском тексте. Вот так он переписал весь «Маскарад».

— Тяжело было готовить «Сирано»?

— Тяжело, особенно на последнем этапе. Помимо работы с текстом, мне очень хотелось измениться внешне. Режиссер Павел Осипович Хомский требовал, чтобы я обошелся без парика, но парик мне удалось от-

Михаил ГИТЕРМАН

Сирано — Александр Домогаров

ЛУЧ КИНОБУДКИ

стоять. Что касается знаменитого носа, мне хотелось, чтобы в анфас он был практически мой, и только в профиль было заметно, что он лишь чуть-чуть больше нормы, что это никакая не слива. Критики этот нос уже обозвали «уточкой» и сравнивали меня с Олегом Меншиковым. Но дело ведь не в носе. Не из-за носа Сирано раздрают такие дикие комплексы гордыни, не из-за носа он так болезненно относится к жизни. Все гораздо сложнее.

— А из-за чего?

— Я так отвечаю: когда я произношу на сцене текст роли, то не просто к партнерам обращаюсь, я говорю эти слова совершенно конкретным людям, которые сидят у

Публика — незнакомая стихия, каждый раз новая, которую я должен покорить.

— Эта стихия изначально враждебна?

— По-разному. Но если враждебна — тем больше кайфа, когда ты понимаешь, что она твоя. Например, в «Нижинском» после первого антракта я произношу одну и ту же фразу: «Пошли убивать». Вот с этим настроением я иду на сцену. Есть в том же «Нижинском» Театра на Малой Бронной несколько моментов, когда можно замолчать, и люди будут сидеть и бояться выдохнуть.

Мне до сих пор очень страшно сделать первый шаг. В «Сирано» самое жуткое — войти, тем более что появляюсь я из зала. Может быть, не

вал с врачами, они спросили, откуда у меня такая точность, в воспроизведении клинического диагноза, не был ли я в сумасшедшем доме. Нет, не был, но я прошел через это, когда умирала моя мама. Я посмотрел все восстановленные балеты «Русских сезонов» и считаю: ко мне пришла пластика Нижинского, его движения, его знаменитый поворот головы, который из него, узкоглазого, делал поразительного красавца. Роль собиралась по крупичкам. Но главное все-таки — его дневники. Я читал их и убеждался: он не болен, просто он — гений. Любый психиатр за пять минут поставит диагноз, но где она, эта грань между помешательством и гениальностью?

— А Сирано? Он нормален?

ПАНЦИРЬ

нас за кулисами. Потому что жить так, как живут некоторые, нельзя! По крайней мере, я не могу позволить себе так жить.

— Критику читали?

— Из того, что написали о «Сирано», прочитал все. Запомнилась статья, смысл которой сводился к следующему: Домогаров — это артист без ярко выраженной индивидуальности, но он хорошо чувствует стихотворный текст, хорошо держится на сцене, достаточно обаятельный и привлекательный, да и сам спектакль не так уж плох. Ну и зачем, спрашивается, вообще было это писать? У меня от всего этого начинается головная боль. Но я выхожу на сцену и вижу полный зал. И критика перестает иметь какое-либо значение.

— Как вы чувствуете, что «держите» зал?

— Я не знаю, как это описать. Очень слышно, когда зал, что называется, умирает, растворяется, не дышит. Я чуть-чуть реагирую на людей, которым не нравится то, что они видят. Я почти не смотрю в зал, но всегда могу сказать: там, в этом квадрате, сидят люди, которые не принимают.

стоило бы об этом говорить, но ноги меня не слушаются, и я в этот момент — не я. Однако же вот мальчишество, пыл...

— И так перед каждым спектаклем?

— Перед каждым. На «Нижинском» это вообще приобретает странные формы. Организм просто перестает мне подчиняться, а потом в какой-то момент словно кнопка какая-то включается. И хотя Нижинского я играю уже довольно давно, и на сцене не со вчерашнего дня, и вообще человек нормальный, должен сказать, что на процесс включения этой самой кнопки я влияю крайне слабо. Само как-то все происходит.

— Как вы готовитесь к роли?

— Я расскажу, как это было с Нижинским. Мы уже начали репетировать, и я прочел массу книг о нем, когда дело дошло до его дневников. Они меня просто накрыли. С головой. Когда ты видишь, как мечется человеческий разум: «Я ненавижу Дягилева» — «Я люблю его, я мог бы спеть ему колыбельную». Понять это рационально практически невозможно. Когда я разговари-

вал с врачами, они спросили, откуда у меня такая точность, в воспроизведении клинического диагноза, не был ли я в сумасшедшем доме. Нет, не был, но я прошел через это, когда умирала моя мама. Я посмотрел все восстановленные балеты «Русских сезонов» и считаю: ко мне пришла пластика Нижинского, его движения, его знаменитый поворот головы, который из него, узкоглазого, делал поразительного красавца. Роль собиралась по крупичкам. Но главное все-таки — его дневники. Я читал их и убеждался: он не болен, просто он — гений. Любый психиатр за пять минут поставит диагноз, но где она, эта грань между помешательством и гениальностью?

— Это имеет отношение к человеку по имени Александр Домогаров?

— Да. У меня тоже есть свои законы, по которым я живу. И я не приемлю, когда их пытаются нарушать. Я борюсь с этим в меру своих сил. Я уже говорил: жизнь устроена так, что нам приходится идти на компромиссы. Их и без того слишком много, чтобы еще изменять себе.